

В VII главе той же книги читаем следующую характеристику императора Нерона: «Бѣ же высокъ и тонокъ, седъ, густъ брадою, строинъ».¹⁸¹ Не останавливаясь сейчас на остальных портретах римских императоров, приведем еще характеристику Веспасиана, не вошедшую в издание Истрина и найденную нами в рукописи Виленского хронографа в тексте IV книги «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия: «Бѣ же низокъ, плѣшивъ, чреватъ, седъ, чермень, напухлыма очима, плосколицъ, гнѣвливъ».¹⁸²

В дальнейших книгах Хроники Малалы характеристики византийских императоров становятся более лаконичными. Они зачастую ограничиваются 2—3 чертами внешнего портрета, но зато иногда присоединяют к ним оценку деятельности этого лица. Так, в книге XIV (глава III) читаем об императоре Феодосии II: «Сѣ же Феодосии тѣломъ среднии и чистымъ лицемъ лѣпъ».¹⁸³ В книге XV (глава I) находим: «Зинонъ бѣ же тѣломъ среднии»;¹⁸⁴ там же: «Дикорось Драчанинъ ... бѣ же высокъ зѣло».¹⁸⁵ В книге XVII встречаемся с характеристикой императора Иустина: «Иоустинъ Всидаритинъ Фраксъ ... бѣ же тѣломъ среднии, на ратехъ добръ».¹⁸⁶

Еще в 1934 г. была опубликована статья А. Б. Никольской, в которой рассматривался вопрос о «словесном портрете» в древнерусской литературе.¹⁸⁷ Правда, автор этой работы, собрав аналогичные характеристики исторических лиц из Хроники Амартала и сравнивая с ними словесные портреты деятелей русского летописного повествования, не только не указала на наличие этих характеристик в тексте Хроники Малалы, но прямо заявила, что в этой хронике словесных портретов не обнаруживается.

По сравнению с Хроникой Малалы характеристики исторических лиц, большей частью князей, встречаются на страницах русских летописей значительно реже. Еще меньше находим в них внешних черт портретного облика, но зато значительно пространнее даются моральные черты, оценка которых производится летописцем с точки зрения господствовавшей тогда религиозной идеологии. Так, например, обратимся к характеристике в «Суздальской летописи» князя Всеволода Юрьевича. Сообщая под 1212 г. о кончине этого выдающегося деятеля Северо-Восточной Руси, летописец продолжает: «Много мужествовавъ и дерзость имѣвъ, на бранехъ показавъ, украшенъ всѣми добрыми нравы, злых казня, а добросмысленных милуя: князь бо не втуне мечъ носить въ мечь злодѣемъ, а въ похвалу добротворящимъ».¹⁸⁸

Подобная же характеристика дается его сыну Константину под 1216 г.: «Сѣ бѣ блаженный князь зѣло украшенъ всѣми добрыми нравы, възлюбил бога всею душою и всѣмъ желаньемъ, божий страх отинудъ имѣ в серци и в души своей».¹⁸⁹

Большее внимание уделяется внешним чертам облика князя Василька Ростовского, погибшего мученической смертью в татарском стане после по-

¹⁸¹ Там же, стр. 19.

¹⁸² Н. А. Мещерский. Два неизданных отрывка древнеславянского перевода «Хроники» Иоанна Малалы, стр. 282.

¹⁸³ В. М. Истрин. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе, книги XI—XIV. — СОРЯС, т. XC, № 2. СПб., 1913, стр. 11.

¹⁸⁴ В. М. Истрин. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе, книги XV—XVIII. — СОРЯС, т. XCI, № 2. СПб., 1914, стр. 3.

¹⁸⁵ Там же, стр. 13.

¹⁸⁶ Там же, стр. 17.

¹⁸⁷ А. Б. Никольская. К вопросу о «словесном портрете» в древнерусской литературе. — Сборник статей к 40-летию деятельности А. С. Орлова. Л., 1934, стр. 191—200.

¹⁸⁸ ПСРЛ, т. I. СПб., 1846, стр. 184.

¹⁸⁹ Там же, стр. 187.